DOI: 10.19195/0137-1150.167.17

ELENA POLTAVEC

Московский городской педагогический университет, Rosja

Три смерти Андрея Болконского (*Война и мир* Льва Толстого) в мифо-ритуальном контексте

Образ Андрея Болконского занимает в толстовской художественной танатологии ключевое место даже на фоне рассказа *Три смерти* (1859) и повести *Смерть Ивана Ильича* (1886). В *Войне и мире* (1863–1869) жизнь и смерть князя Андрея связываются с кризисной для всего народа ситуацией, причем не столько бытийной, сколько философско-мировоззренческой. Лев Толстой прямо объединяет судьбу князя Андрея с судьбой России: „Нерешенный, висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над Россией заслонял все другие предположения”¹. Анализ танатологических мотивов, соотнесенных с образом Андрея Болконского, выявляет сотериологический смысл обращения Толстого к библейскому и другим мифо-ритуальным претекстам.

Марк Алданов именно в связи с предпринятым им обзором творчества Толстого в свете танатологической темы (*Загадка Толстого*, 1923) объявляет: „Признаюсь однако, что божественная природа толстовского гения для меня больше, чем обычная литературная метафора”². Тот же Алданов в завершение своего труда предлагает анализ образа князя Андрея на фоне автобиографизма и автопсихологизма *Войны и мира* и делает вывод: „Это русский Фауст, князь Андрей Болконский, один из самых совершенных образов мировой литературы”³. Мысль о божественной природе толстовского гения можно найти и в *Розе Мира* (1958) Даниила Андреева, где и создание Толстого — образ Андрея Болконского — рассматривается как „существо из расы метапрообразов — отставшей в своем развитии от даймонов и опекаемой

¹ Л. Н. Толстой, *Война и мир*, [в:] его же, *Собрание сочинений в двадцати двух томах*, т. 6, Москва 1980, с. 401. Прочие тексты Толстого, кроме специально оговоренных случаев, цитируются по тому же изданию, с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

² М. А. Алданов, *Загадка Толстого*, Берлин 1923, с. 61.

³ Там же, с. 121.

ими расы»⁴; по утверждению Андреева, „они чрезвычайно схожи с людьми как своим внешним обликом, так и душой”⁵, и встреча с „эфирным образом Андрея”⁶, как и встреча с Фаустом Гёте, о котором также ведет речь автор *Розы Мира*, ожидает обновленное человечество, если оно, конечно, достигнет необходимой степени духовного совершенства:

Для человека с раскрывшимся духовным слухом и зрением — встреча с тем, кто нам известен и нами любим как Андрей Болконский, так же достижима и абсолютно реальна, как и встреча с великим человеческим духом, которым был Лев Толстой. Вопрос — в раскрытии соответствующих, в каждом из нас заложенных органов восприятия...⁷

Как бы мы ни относились к вышеприведенным высказываниям, их стоит иметь в виду при анализе образа князя Андрея, и особенно танатологии, связанной с этим образом, остающейся и сегодня одной из самых больших тайн Толстого. К сожалению, в работах толстоведов до сих пор можно встретить примеры вопиющей вульгаризации, такого понимания (а вернее, непонимания) образной системы *Войны и мира*, которое сводится к утверждениям, что смерть князя Андрея является следствием авторского замысла показать крах аристократизма, дворянского индивидуализма, рационализма, якобы свойственных Болконскому и вызывавших неприятие автора. В советскую эпоху тон задавали работы толстоведов, видевших в финале сюжетной линии князя Андрея закономерный, по их мнению, итог того, что Болконский шел к народу, но не дошел (и Толстой его за это умертвил), а позже категоричность таких взглядов стала несколько приглушаться констатацией того, что Болконский в изображении Толстого — далекий от непосредственного восприятия жизни эгоист, рационалист, идеалист, и, в общем, Толстой показывает князя Андрея как жертву его, князя Андрея, собственной эмоциональной, мировоззренческой и т. п. неполноценности. (Признавая при этом пресловутую близость к народу в Платоне Каратаеве, такие интерпретаторы почему-то не задавались вопросом об идейной значимости смерти Каратаева.)

История создания образа Андрея Болконского хорошо изучена, но стоит напомнить, что в письме к от 3 мая 1865 года к Луизе Волконской автор *Войны и мира* говорит о своем первоначальном замысле показать смерть „блестящего молодого человека” [т. 18, с. 628] в Аустерлицком сражении. Позже этот персонаж Толстого „заинтересовал”, и автор его „помиловал” [т. 18, с. 628]. Авторские свидетельства такого рода всегда должны рассматриваться исследователем с определенной долей скептицизма, т. к. трудность для автора представляет не только объективация собственной рефлексии над творческим процессом, но и учет рецептивных возможностей адресата или собеседника. Текстологические исследования, работы, посвященные

⁴ Д. Л. Андреев, *Роза Мира*, Москва 1992, с. 375.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 376.

истории писания и печатания *Войны и мира*, тоже широко известные, дают более объективную картину и представляют творческую историю образа Андрея Болконского как некоторый колебательный процесс: замысел „казнить” сменялся замыслом „помиловать”, потом, когда уже были созданы эпизоды выздоровления Болконского после ранения 1812 года, снова приходило решение „казнить”. После этого Толстой, уже почти завершивший работу над **книгой**, как он определял жанр *Войны и мира*, пережил, как известно, то состояние, которое получило название **арзамасского ужаса**.

Написать, что князь Андрей **умер**, Толстой все же так и не решился. Этого слова читатель не найдет на страницах, посвященных последним дням земного существования князя Андрея. Лишь в описании сна/бредя князя Андрея есть фраза „И князь Андрей умер” [т. 7, с. 70], но этот онирический образ сменяется образом пробуждения, и сам князь Андрей говорит себе: „Я умер — я проснулся” [т. 7, с. 70]. В авторской речи есть слово **умиравший** [т. 7, с. 66], но не **умерший**. Смерть князя Андрея названа „пробуждением от жизни” [т. 7, с. 71], другие формулировки конкретизируют: „он ушел” [т. 7, с. 71], „тело, оставляемое духом” [т. 7, с. 71]. (В Евангелии Иисус говорит о Лазаре: „Уснул, но Я иду разбудить его” (Ин: 11. 11).) В другом контексте известие о том, что князь Андрей умер, передается опосредованно, как факт сознания персонажа: „Он (Пьер. — Е. П.) узнал, что князь Андрей был жив более месяца после Бородинского сражения и только недавно умер в Ярославле, в доме Ростовых” [т. 7, с. 216].

Князь Андрей появляется еще раз в описании сна Николеньки Болконского в *Эпилоге Войны и мира*, и это явление соотносится с описанием сновидческого мира князя Андрея в его последние дни. Но действительность, образ которой составляет мир героев *Эпилога*, не гомогенна сновидческой действительности, образы которой созданы в описаниях снов героев. Онейротопику *Эпилога* можно понимать и психологически, и в духе Даниила Андреева.

Первой смертью князя Андрея отмечен финал первого тома (по современному общепринятому делению *Войны и мира* на четыре тома). Толстой в окончательном тексте не оставляет никаких намеков на то, что происходило с его героем, когда он, „в числе других безнадежных раненых, был сдан на попечение жителей” [т. 4, с. 370], хотя в черновиках остались следы замысла объяснить его излечение помощью со стороны гернгутеров, т. е. возможно, что в сознании Толстого уже на этом этапе образ князя Андрея связывался с пацифистскими (в смысле обличения войны) идеями. Гернгутеры — наследники „моравских братьев”, о которых Толстой узнал еще в детстве от старшего брата Николая. Для детей Толстых они были какими-то сказочными героями, превратившимися в „муравейных братьев”, и в *Воспоминаниях* Толстой пишет о „чувстве любви и умиления” [т. 14, с. 426], которое вызывала у него в детстве игра в „муравейное братство”. Детская игра, конечно, рассматривается как воспроизведение ритуального поведения, и немаловажно, что представление о „муравейном братстве” как модели единения всех людей

мира и всеобщей гармонии Толстой пронес через всю жизнь: „Идеал мурaveйных братьев, льнувших любовно друг к другу [...], под всем небесным сво- дом всех людей мира, остался для меня тот же” [т. 14, с. 427].

Но первое воскрешение князя Андрея происходит, согласно окончатель- ному решению Толстого, еще более сказочным образом: в Лысых Горах он появляется в метельную ночь, 20 марта, ровно через четыре месяца после Аустерлицкого сражения, может быть, по аналогии с воскресением Лазаря четырехдневного. Нельзя не отметить также, что т. н. планетники, в которых, согласно славянским поверьям, превращались убитые, могли на короткое вре- мя возвращаться домой с облаков вместе с дождем или снегом. А смерть в бою со знаменем в руках означала мгновенное перенесение на небо (два случая — подвиг Фердинанда Тизенгаузена, зятя Кутузова, в Аустерлицком сражении и героическая смерть генерал-майора Александра Тучкова в Бородинском — прототипические для описания подвига князя Андрея ситуации, известные Толстому).

С момента „помилования” после Аустерлица образ князя Андрея для Толстого был связан с идеей вольной жертвы ради поиска истины, и прежде всего такой истины, которая послужила бы фундаментом всеобщего брат- ства, вечного мира на земле. В черновиках *Войны и мира* размышления князя Андрея накануне Аустерлица содержат аллюзии на слова Христа о разруше- нии Храма, т. е. голгофской жертве. Примечательно, что апостол Андрей был в числе спрашивавших о разрушении Храма учеников Христа (Мк.: 13. 1–4). У Толстого князь Андрей думает: „Я сожгу храм, но не чужой храм Эфеса, а себя [...]. Для вас, для людей, должно быть [...]. Вас я люблю и жалею и плакать готов над вами”⁸. Скорее всего, в этом и многих других случаях не следует рассматривать черновые варианты как заготовки внутреннего моно- логa героя, рассчитанные на психологическую характеристику. Это фиксация реминисцентного фона (в данном случае евангельского), важная в первую очередь для автора и не предназначавшаяся для прямой (пусть и внутренней) речи персонажа. Дальнейшее ритуальное поведение князя Андрея, особенно на поле Бородина, ни автором, ни тем более героем не объясняется: ритуал реализуется, как известно, не вербально, а в действии, кроме того, художе- ственная ткань *Войны и мира* сверхмногослойна: возможен и необходим ми- форефаставрационный⁹ комментарий *книги* Толстого. Наряду с мифорефаставра- ционным анализом следует учитывать имплицитные отсылки к ритуалу, т. к. вне ритуального контекста обедняется смысл многих эпизодов, и особенно ключевых сцен Бородинского сражения.

Три смерти князя Андрея, как три смерти героя мифа или сказки, были для Толстого испытанием самого себя и, кроме того, опытом создания такого

⁸ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в девяноста томах*, т. 13, *Война и мир, черновые редакции и варианты*, Москва 1949, с. 528–529.

⁹ Термин С. М. Телегина: С. М. Телегин, *Ступени мифорефаставрации*, Москва 2006.

текста, прагматика которого заключалась в поиске способа прекратить войны. Вторая смерть князя Андрея — момент взрыва гранаты в Бородинском сражении. Полк Болконского находится в резервах, т. е. теряет людей, не вступая в бой. Профанное объяснение на основе эксплицитных подробностей (князь Андрей не двигается с места при виде гранаты, подавая пример подчиненным) не должно уводить нас в сторону от ритуального подтекста эпизода. В древности война прекращалась, когда мирный договор скреплялся архаическим ритуалом **хождения по меже**, при котором вождь или жрец ни в коем случае (он давал клятву, что, нарушив ритуал, погибнет вместе со всем племенем) не мог отступить от намеченной межи, границы между двумя враждующими сторонами, идя по ней с травой или куском дерна в руках (граната и застает князя Андрея около межи; Толстой сообщает, что в руках у его героя была сорванная полынь). Конечно, ни Толстой, ни его герой не предлагает возрождение такой архаики как способа установления вечного мира, но имплицирование миротворческого ритуала соответствует прагматике сакрального текста. Толстой создает свою **книгу** как еще один предназначенный для человечества проект вечного мира и поручает своему герою сотериологическую функцию противостояния войне, практическое применение заповеди „не убий“. Не сражаясь, но и не убегая с поля боя, князь Андрей и его полк одерживают нравственную победу; Толстой подчеркивает, что „страшное чувство“ охватило Наполеона, когда он увидел, что „русские все стоят“ [т. 6, с. 254]. Да и Кутузов предстает у Толстого полководцем-непротивленцем, который видит путь к победе не столько в сражениях, сколько в „терпении и времени“ [т. 6, с. 181], применяя нечто вроде ритуальной тактики потлача, временно оставляя Москву, но спасая Россию. Ситуации, сравнимые с ритуалом потлача, рисует Толстой и в эпизодах разговора княжны Марьи с крестьянами в Богучарове, отъезда Ростовых из Москвы (оставление имущества и помощь раненым), собрания в Слободском дворце (хотя и с иронической подсветкой) и некоторых других. Йохан Хейзинга, вслед за Марселем Моссом¹⁰, вообще видит в потлаче как состязательном и жертвенном ритуале основу эпического сюжета (например, *Махабхараты*¹¹). В индийском эпосе моральную победу одерживают герои, превосходящие враждующую с ними сторону своей жертвенностью; эта ритуальная модель просвечивает и в эпическом сюжете *Войны и мира*.

Прощение князем Андреем злейшего врага, соблазнителя Наташи Анатоль, — та же нравственная победа, как и победа, одержанная над Наполеоном, и, конечно, метаситуация встречи праведника и грешника, так хорошо знакомая по Евангелию и восходящая к архетипу.

¹⁰ М. Мосс, *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, пер. А. Б. Гофман, Москва 2014, с. 243–255.

¹¹ Й. Хейзинга, *Homo ludens*, пер. В. В. Ошис, Москва 1992, с. 75.

Лев Шестов считал, что Толстой „борется со страшным призраком безнадежности”¹², несмотря на то, что „князь Андрей умер мучительной смертью после мучительной жизни”¹³. Почему же Толстой создал еще послебородинские эпизоды умирания князя Андрея и вслед за изображением голгофской ситуации в госпитальной палатке Бородина подарил своему герою встречу с Наташей, сверхчеловеческие философские размышления и смерть, близкую к „философской смерти” наделенных сверхспособностями житийных и легендарных героев? „Он медленно умирал в нечеловеческих муках [...], мужественно принимая медленно подступающую смерть”¹⁴, — писал в 1959 году Андрей Сабуров, опубликовавший самое, наверное, по тем временам обстоятельное исследование *Войны и мира* под названием *Проблематика и поэтика* и статью, в которой образ князя Андрея интерпретировался как образ мужественного воина, беспощадного к врагу, а вопрос о смысле философских предсмертных размышлений героя отнюдь не стоял на первом плане.

Но мы не можем не спрашивать, что должна была открыть автору *Войны и мира* эта третья смерть Болконского, после которой к самому автору пришел арзамасский ужас. Владимир Линков сегодня спорит с теми, кто видит в смерти князя Андрея знак „какой-то духовно-нравственной недостаточности, заставляющей писателя увести его со страниц книги до ее окончания”¹⁵. Исследователь пишет: „На самом деле Толстой доверяет Болконскому высшую миссию — миссию борьбы со смертью — в силу его исключительных внутренних качеств [...]. Его духовный путь продолжался, он искал последнюю истину, которая бы примирила его со смертью [...] Смерть князя Андрея убеждает присутствующих, близких ему, что он узнал истину”¹⁶. Вот черновая конспективная запись, характеризующая настроение героя **перед** Бородинским сражением, а скорее всего, размышления самого Толстого по отношению к финальному нравственному выбору: „Что же, истины я хочу? Но и то нет. Коли узнать ее, надо смертью. Нет, не хочу”¹⁷.

Третья смерть князя Андрея — это, может быть, еще одна его добровольная жертва. **После** пережитого при Бородине князь Андрей принимает решение все-таки узнать истину, за которую надо заплатить жизнью. Но Толстой не хотел, чтобы решение, которое принял его герой, выглядело самоубийством. Ведь и Голгофа Христа была добровольной. Для автора и стояние князя Андрея над готовой разорваться гранатой, как мы старались показать, отнюдь не было ни хвастливым самоутверждением, ни самоубийственной гордыней,

¹² Л. Шестов, *Избранные сочинения*, Москва 1993, с. 208.

¹³ Там же.

¹⁴ А. А. Сабуров, „*Война и мир*” как национально-героическая эпопея, [в:] *Творчество Л. Н. Толстого*, ред. Д. Д. Благой и др., Москва 1959, с. 152.

¹⁵ В. Я. Линков, *История русской литературы*, Москва 2017, с. 174.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в девяноста томах...*, т. 14, с. 104.

как это иногда представляется исследователям, ревниво упрекающим князя Андрея в аристократизме, „брезгливости к жизни”, „абстрагировании от материи” и прочих надуманных грехах.

Если Достоевский предпочитает остаться не с истиной, а с Христом, то Толстой и Христа поверяет истиной. Является ли истинным учение Будды, Христа и других мудрецов о непротивлении? Является ли оно универсальным, подходящим не только для личного спасения, а для спасения мира? Как открыли эту истину Христос, а вместе с ним апостолы, Будда Шакьямуни, Лао-цзы, Франциск и вообще все легендарные и исторические проповедники ненасилия? „Но как же бог предписал этот закон? Почему сын?..” [т. 6, с. 398], — задает себе вопрос князь Андрей в Мытищах, как задавал этот вопрос себе сам Толстой. То есть почему сын Бога должен был пойти проповедовать эту любовь людям и принести себя в жертву? И вообще был ли он сыном Бога? А если не был, то что это, собственно, меняет, коль скоро учение оказалось верным и действительно может противостоять злу в мире? Но как проверить это? Если автор допускает, что князь Андрей мог усилием воли выбрать смерть уже в те часы, когда происходила „последняя нравственная борьба между жизнью и смертью” [т. 7, с. 67], то остается вопрос о мотивировке: какая необходимость заставила героя Толстого пойти на пассивное самоубийство, оставить невесту, сестру и ребенка.

В *Круг чтения* Толстой помещает такие слова, которые могут объяснить предсмертные размышления князя Андрея: „Страх смерти в человеке есть сознание греха”¹⁸. И еще: „Чем лучше жизнь, тем менее страшна смерть и тем легче смерть. Для святого нет смерти”¹⁹. В тексте *Войны и мира* близкое к этим афоризмам позднего Толстого объяснение смерти князя Андрея находим в надгробном слове Пьера о друге: „Он так всеми силами души всегда искал одного: быть вполне хорошим, что он не мог бояться смерти” [т. 7, с. 230]. С этими словами можно сопоставить известное высказывание Андрея Платонова: „Если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. — все эти вещи являются от нечистой совести”²⁰. По сути, смерть князя Андрея в изображении Толстого — это религиозный подвиг, потому что герою Толстого, добровольно выбравшему свой уход (и автору), удалось проверить, что отсутствие страха смерти возможно, если на человеке нет греха. Тем самым князь Андрей и вместе с ним Толстой получил ответ на пилатовский вопрос, доказал истинность учения о непротивлении и всеобщей любви. Простив Анатоля и не сделав ни единого выстрела в бою, Болконский еще мог сомневаться в истине, скажем так, своего непротивленческого этиче-

¹⁸ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в девяноста томах...*, т. 41, с. 140.

¹⁹ Там же, с. 141.

²⁰ А. П. Платонов, *Записи*, „Новый мир” 1991, № 1, с. 152.

ского выбора. Но узнав, что умирает без страха, как святой, он понимает, что нашел истину. Однако для этого надо было пойти на смерть.

„Добровольная жертва спасает человека от проклятия греха и смерти, так как на подобную самоотверженность способен лишь Один — Бог, подлинное Я”²¹. Образ Андрея Болконского, скорее всего, не был для Толстого таким alter ego, каким видит его Алданов, сравнивая его роль для Толстого с ролью Фауста для Гёте. Это был не alter ego и не двойник автора, а образ лучшей части его души, личного божества, близкого тому благовому даймону, о котором говорил Даниил Андреев.

Библиография

- Алданов М. А., *Загадка Толстого*, Берлин 1923.
 Андреев Д. Л., *Роза Мира*, Москва 1992.
 Линков В. Я., *История русской литературы*, Москва 2017.
 Мосс М., *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, пер. А. Б. Гофман, Москва 2014.
 Платонов А. П., *Записи*, „Новый мир” 1991, № 1.
 Сабуров А. А., „Война и мир” как национально-героическая эпопея, [в:] *Творчество Л. Н. Толстого*, ред. Д. Д. Благой и др., Москва 1959.
 Телегин С. М., *Ступени мифореставрации*, Москва 2006.
 Толстой Л. Н., *Полное собрание сочинений в девяносто томах*, Москва 1928–1958.
 Толстой Л. Н., *Собрание сочинений в двадцати двух томах*, Москва 1978–1985.
 Уотс А., *Миф и ритуал в христианстве*, пер. К. Семенов, Москва 2003.
 Хейзинга Й., *Homo ludens*, пер. В. В. Ошис, Москва 1992.
 Шестов Л., *Избранные сочинения*, Москва 1993.

Three deaths of Andrey Bolkonsky (*War and Peace* by Leo Tolstoy) in the context of myth and ritual

Summary

The article deals with Leo Tolstoy's *War and Peace* and the character of Andrey Bolkonsky explored in the background of self-sacrifice, potlatch and other rituals and in the aspect of certain archaic peace-making rituals (walking along the boundary-strip). Bolkonsky's death may be regarded as the great religious feat.

Keywords: death, myth, ritual, potlatch, self-sacrifice

²¹ А. Уотс, *Миф и ритуал в христианстве*, пер. К. Семенов, Москва 2003, с. 142.

Три смерті Андрія Болконського (*Війна і мир* Льва Толстого) у контексті міфу і ритуалу

Резюме

Стаття присвячена *Війні і миру* Льва Толстого, Андрію Болконському, чия постать досліджується на тлі ритуалів самопожертви, потлача та інших і в аспекті архаїчного миротворчого ритуалу (обміжкове ходіння). Смерть Болконського може трактуватися як визначний релігійний подвиг.

Ключові слова: смерть, міф, ритуал, потlach, самопожертва